

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

ЭСХАТОЛОГИЯ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ (К ВЫХОДУ РУССКОГО ПЕРЕВОДА МОНОГРАФИИ Я. ТАУБЕСА)

Протоиерей Александр Задорнов

кандидат богословия, доцент
заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин
Московской духовной академии
141300, Московская область, Сергиев Посад,
Троице-Сергиева лавра, Академия
azadornov@yandex.ru

Для цитирования: *Задорнов А. В., прот.* Эсхатология как политическое (к выходу монографии Я. Таубеса) // Праксис. 2023. № 3 (12). С. 193–200. DOI: 10.31802/PRAXIS.2023.12.3.008

Аннотация

УДК 348.07

Политическая теология представляет собою научную область, входящую в компетенцию практической теологии. В то же время сложно говорить о политической теологии как окончательно устоявшейся методологии, целеполагании и даже простом научном консенсусе относительно её принципиальных составляющих. Иллюстрацией такой незастывшей формы политической теологии является выход русского перевода классической монографии Я. Таубеса «Западная эсхатология», контексту появления которой посвящена предлагаемая статья.

Ключевые слова: политическая теология, эсхатология, апокалиптика, христианское учение о государстве и обществе, Я. Таубес, К. Шмитт, Д. Агамбен.

Eschatology as Political (To the Release of the Russian Translation of the Monograph by J. Taubes)

Archpriest Alexander Zadornov

PhD in Theology

Head at the Department of Ecclesiastical and Practical Disciplines at the Moscow Theological Academy

Academy, Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

azadornov@yandex.ru

For citation: Zadornov Alexander, archpriest. "Eschatology as Political (To the Release of the Russian Translation of the Monograph by J. Taubes)". *Praxis*, № 3 (12), 2023, pp. 193–200 (in Russian). DOI: 10.31802/PRAXIS.2023.12.3.008

Abstract. Political theology is a scientific field within the competence of practical theology. At the same time, it is difficult to speak of political theology as a definitively established methodology, goal-setting, or even a simple scientific consensus on its principal components. An illustration of such an unfrozen form of political theology is the publication of the Russian translation of J. Taubes' classic monograph "Western Eschatology", the context of the appearance of which is the subject of this article.

Keywords: political theology, eschatology, apocalypticism, Christian doctrine of state and society, J. Taubes, C. Schmitt, D. Agamben.

Издательство «Владимир Даль» демонстрирует приятное постоянство в прекрасном выборе для своей работы как оригинальных, так и классических переводных текстов. К числу последних, безусловно, относится «Западная эсхатология» Якоба Таубеса — текст, важный как своим непосредственным содержанием, так и контекстом, а также современным прочтением. Время, прошедшее с момента публикации текста Таубеса (1947 год) уже сделало его классикой, отделив казавшееся актуальным в тот момент от того, что действительно ценно сегодня. И если вынужденное сокращение текста (до 200 страниц!) ради послевоенной экономии можно было считать приметой времени, то сейчас сжатость монографии явно служит ей на пользу.

Прежде всего, следует напомнить, что «Западная эсхатология» и другие работы Таубеса — это послевоенная попытка проложить иные пути для политической теологии, уйдя от (чего греха таить) скомпрометированного Шмитта к новым темам и задачам. Примеры той же попытки мы видим у Э. Канторовича и Д. Агамбена, развивших шмиттовский тезис о секулярном проявлении религиозного в политическом до собственных концепций «политического тела» и «голой жизни». Работы Таубеса должны быть рассмотрены в том же контексте.

Определяя конечную свободу как сущность истории и истины, Таубес видит стихию абсолютной свободы в вечности. Постоянно ссылаясь в этих рассуждениях на манифест «Апокалипсис немецкой души» Урса фон Балтазара, Таубес называет откровение субъектом истории, которую столь по-разному интерпретирует трансцендентно-теистическая (олицетворяемая у Таубеса Кьеркегором) и материально-атеистическая (Маркс) философии (вообще же Таубес различает «теистически-трансцендентальный», «пантеистически-имманентный» и «атеистически-материалистический» тип эсхатологического мышления). Итоговое сближение Кьеркегора и Маркса у Таубеса вполне элегантно: и тот, и другой призывают к прыжку, подвигу веры. Только у Кьеркегора это сворачивание всей мировой истории к точке Боговоплощения, а для Маркса — классический прыжок из царства необходимости в царство свободы (о чём, впрочем, уже писал честно цитируемый Таубесом К. Лёвит).

Задача двадцатичетырёхлетнего мыслителя амбициозна под стать его молодости — показать сущность апокалиптики через её историю и специально, в двух отдельных частях работы, проанализировать теологическую и философскую эсхатологии Евроаы. Методологически важно для Таубеса снять налёт эллинизма с арамейского мира и показать как «через языческо-греческих герметиков и неоплатоников,

через христианские греческие несинаоптические сочинения, через труды отцов Церкви, полемизирующих с еретиками, а также через различные апокрифические апокалипсисы апокалиптики и гнозис протираются на Восток»¹. Смена привычного вектора (апокалиптики как влияние Запада на Восток, а не наоборот) позволяет продемонстрировать «интернациональность» апокалиптической литературы с её характерными пассивными конструкциями — ведь в перспективе предрешенной мировой истории всякое активное действие если не бессмысленно, то отходит на второй план.

Историчность диалектической логики также позволяет отказаться от логики Аристотеля в пользу Гегеля, который для Таубеса един в своих теологических сочинениях юности и в работе над «Феноменологией духа». Сама диалектика рассматривается Гегелем через эсхатологическую перспективу, в которой она фиксирует отчуждение Бога и мира, а также антропологическую дихотомию *псюхе* и *пневмы* с эсхатологической победой последней. Эта классическая дихотомия нужна Таубесу для демонстрации влияния гностицизма на становление европейской апокалиптики как обетования нового мира: «Исконный смысл речений о потустороннем Боге можно понять только в ракурсе апокалиптико-гностической эсхатологии, но не в перспективе статичной онтологии, характерной для эллинско-эллинистической философии»².

Используя речевой шаблон искусствоведения не самого высокого качества, можно сказать, что историю апокалиптики Таубес во второй части своего исследования *рисует широкими мазками*: жизнь Христа — апостол Павел и распад античного мира — история первохристианства — церковные интеллектуалы Запада от бл. Августина до Иоахима Флорского. Однако именно этим страницам обязан своим появлением и паулинизм Д. Агамбена³, и «эксплицитная теология» египетской религии Я. Ассмана, для которого «стало возможным провести различие между политической теологией господства» К. Шмитта и «политической теологией сообщества, раскрытой Якобом Таубесом в качестве позиции Павла. Карл Шмитт основывал свою политическую теологию на понятии суверенитета, Павел свою — на понятии Церкви как тела Христова»⁴.

Душевно-духовный акцент новой культуры, которую Таубес наблюдает на руинах римского мира, связан для исследователя со стремлением

1 Таубес Я. Западная эсхатология. СПб., 2023. С. 46.

2 Таубес Я. Западная эсхатология. СПб., 2023. С. 83.

3 Агамбен Д. Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М., 2018. С. 11.

4 Ассман Я. Политическая теология между Египтом и Израилем. СПб., 2022. С. 166.

заполнить пустоту этого мира иудейско-христианской (именно так!) проповедью. Через чёткое следование закону, который «делает потустороннего Бога душой всей человеческой жизни»⁵ и универсальное понимание спасительной весты ап. Павлом римский мир обрёл шанс на спасение — в историческом и эсхатологическом смысле слова. Здесь, конечно, Таубес не может не обратиться сова к двум своим главным авторитетам: «История спасения как видит её Павел, диалектична: с одной стороны речь идёт о *мировой истории* (гегелевское *количественное* измерение), с другой — об экзистенциальном переживании (кьеркегоровское *качественное* измерение) ... В единстве человека и человечества, в едином Адаме воедино сходятся всеобщая история и этическое существование индивида»⁶.

Оставляя богословам необходимость оценить тезис автора о реформированном хилиазме как заложенном бл. Августине фундаменте Священной Римской империи («от императора Константина до немецких кайзеров!»), отметим идею теономичности государства. Эта идея вводится бл. Августином, снимающим эсхатологическое напряжение хилиазма и вводящим индивидуальную эсхатологию и аннигилируется у Иоахима Флорского. По мысли Таубеса, Иоахим разрушает дуализм двух градов бл. Августина для того, чтобы дать место революционно эсхатологии, открытой для появления нового человеческого сообщества в эпохе Святого Духа.

Собственно, Иоахим Флорский оказывается у Таубеса предшественником Гегеля в теологической эсхатологии Европы (поскольку тоже отождествляет историю духа с ходом мировой истории). К ним примыкают спиритуалы и Томас Мюнцер, те «фанатики Апокалипсиса» (термин Нормана Кона), которые привели к крушению европейской христианской эсхатологии в протестантизме. Если для Лютера благодать — свободная воля Божия, раскрывающаяся в вере, то и способ получения такой благодати не может быть институционализирован. Эти страницы «Западной теологии» Таубеса не могут не напомнить написанные двадцатью годами ранее соответствующие разделы «Очерков античного символизма и мифологии» А. Ф. Лосева, например: «В протестантизме природа и благодать, которые католицизм связывает между собой в определённой иерархии, уже никак не связываются, поскольку над Коперниковой землёй уже не возвышается прежнее небо: теперь природа и благодать просто непрестанно чередуются»⁷.

5 Таубес Я. Западная эсхатология. СПб., 2023. С. 119.

6 Там же. С. 127.

7 Там же. С. 219.

Радикальному хилиазму анабаптистов (который тот же Лосев вслед за Лютером квалифицирует как иудаизм в христианстве) умеренный протестантизм противопоставляет индивидуальную эсхатологию, недоступную для подчиненного власти мирского начала общества. Экзальтацию крайних реформаторов сменяет, в лучшем случае, упрямство пие-тизма, также чающего скорого осуществления Царства в истории мира.

Поразительным образом на последних страницах третьей части своей монографии Таубес совершенно игнорирует эсхатологию Римско-Католической Церкви эпохи Контрреформации. При желании в этом можно увидеть всё ту же попытку дистанцироваться от постулатов «Политической теологии» Шмитта, о которой было сказано ранее. Для Шмитта главным были теологические представления в учении о государстве, при этом само это учение практически полностью сводилось к понятию суверенитета. Общим местом стало утверждение о продолжении административным аппаратом Римско-Католической Церкви универсализма принципата и домината, при этом Шмитт настаивает на определении этого церковного универсализма как соединения противоположностей и по этой причине внешний рационализм католика дополняется тем фактом, что у него «ожидание Страшного Суда живо столь же непосредственно, как и у какого-нибудь протестанта XVI–XVII вв.»⁸, о котором говорит Таубес.

Последняя часть монографии Таубеса посвящена *философской эсхатологии* Европы. Здесь подробно рассказывается о структуре такой эсхатологии, сводящейся к месту Божьего Царства в той или иной философской системе. «Полу-алхимик» — «полу-естественник» Лейбниц делает это Царство средоточием философии истории своей теодицей (что заимствует, в свою очередь, Лессинг и Гегель). Недовольство Лейбница «провалом» человеческой истории как пути к этому Царству радикализируется у Канта в тезисе о истории христианства как отпадении от Божьего Царства. Преодолевая (как и многое в кантианстве вообще) этот тезис, Гегель начинает свой путь именно как политический теолог, выводящий свою систему из Нагорной проповеди и Евангелия от Иоанна. Вслед за Дильтеем Таубес не устаёт повторять, что «ранние богословские сочинения Гегеля имеют принципиальное значение для понимания всех его дальнейших трудов, а также фундаментальной темы диалектики»⁹. Поэтому и гегелевский Иисус преодолевает закон любовью

8 Шмитт К. Римский католицизм и политическая форма // Политическая теология / К. Шмитт. М., 2000. С. 119.

9 Таубес Я. Западная эсхатология. СПб., 2023. С. 304.

и входит за пределы кантовской этики. Точно также любой верующий преодолевает свою конечность и достигает свободы.

Таубес удачно сравнивает выросший из левого гегельянства марксизм с оттолкнувшимися от Иоахима Флорского спиритуалами, превратившими теоретические суждения в революционный огонь. Преобразить этот огонь должен социальный (Маркс) и религиозный (тот же Кьеркегор) порядки, при этом оба критикуют самоотчуждение — человека эпохи капитализма и «массовидного христианства». У того и другого мыслителя критика примирения разума и действительности у Гегеля оборачивается критикой капиталистической эпохи: «Их объединяет критика *буржуазно-христианского мира* и общий для них принцип: сделать *действительность* по-настоящему *действительной*»¹⁰. В частности, у Маркса это достигается сменой диалектики духа на диалектику природы, у Кьеркегора — напоминанием о единичности и единственности человека, предстоящего Богу.

Где же здесь эсхатология? Она как раз в путях преодоления самоотчуждения — через социальную экономию у Маркса (где пролетариат становится новым мессией) и актуализацию первохристианской апокалиптики у Кьеркегора. И если, по Марксу, новое царство — это бесклассовое общество, не нуждающееся в эксплуатации, то переход к нему и есть прыжок из имеющегося сейчас царства необходимости в царство человеческой свободы. Для Кьеркегора такой прыжок равен появлению нового типа «духовных лиц», готовых к духовной революции мученичества.

Отмеченная как Марксом, так и Кьеркегором противоположность горнего и дольного, внутреннего и внешнего преодолевается перед Богом и в Боге, Который «выше всякого «горнего» и глубже всякого «дольного» и который, снисходя и возносясь, всё наполняет собою»¹¹.

Последние страницы книги Таубеса — это не только замечательные богословские строки, но и преодоление того понимания политической теологии у К. Шмитта, о котором уже было сказано. Сам Бог, а не только Его Церковь в качестве земного института (как у Шмитта) есть преодоление противоположностей. С ещё большей силой это преодоление отмечено в понятии «сопряжение противостремительного», которым Таубес обозначает своё отношение к Шмитту в сборнике, вышедшем уже в год его смерти (1987)¹². Забавным образом Карл Шмитт

10 Там же. С. 359.

11 Таубес Я. Западная эсхатология. СПб., 2023. С. 398.

12 И чей русский перевод осуществлён тем же издательством, см.: Таубес Я. Ad Carl Schmitt. Сопряжение противостремительного. СПб.: Владимир Даль, 2021. Кстати будет сказать,

называется здесь своим преодолевшим его чары учеником «апокалиптиком контрреволюции».

Европейская политико-правовая культура сегодня непредставима без той интеллектуальной линии, которую прочертил Таубес и другие теологи постшмиттовской эпохи. И в том, что разговор о Боге ещё возможен в рамках этой культуры — есть и заслуга этого поколения.

Библиография

- Агамбен Д.* Оставшееся время: Комментарий к Посланию к Римлянам. М.: Новое литературное обозрение, 2018.
- Ассман Я.* Политическая теология между Египтом и Израилем / пер. с нем. А. Лагурева. СПб.: Владимир Даль, 2022.
- Таубес Я.* Ad Carl Schmitt. Сопряжение противостремительного / пер. Д. Кузницына. СПб.: Владимир Даль, 2021. (Архив политической мысли; 1).
- Таубес Я.* Западная эсхатология / пер. А. Шурбелёва. СПб.: Владимир Даль, 2023. (Политическая теология).
- Шмитт К.* Политическая теология. М.: Канон-пресс-Ц: Кучково поле, 2000.